

Вечеслав **ЖУКОВ**

ОБЩАЯ МИЛОСТЫНЯ

Выкуп пленных Московским государством из Крыма в середине XVII века

Экономическая жизнь Крымского ханства в XVI–XVII столетиях определялась прежде всего тем, что в степной части полуострова и материковой части ханства полностью господствовал кочевой уклад¹. Небольшие очаги земледелия и городской жизни на Южном берегу Крыма так и не получили в период ханства существенного развития. Приобщение небольшой части татар к земледелию не могло удовлетворить увеличивающиеся потребности в продовольствии². В этих условиях источником существования для значительной части населения ханства становились набеги на соседней — Россию, Литву и Польшу — с целью захвата пленных и продажи их в рабство.

Крымское ханство было крупнейшим рынком рабов, снабжавшим невольниками не только Причерноморье, но и Средиземноморье; прибыль от работорговли покрывала все потребности ханства³. Посол Велико княжества Литовского Михалон Литвин (середина XVI века) сообщал: «И хотя владеют перекопские [татары] скотом, обильно плодящимся, всё же они ещё богаче чужеземными рабами-невольниками, почему и снабжают ими и другие земли... Ведь к ним чередой прибывают корабли из Понта и из Азии, груженные оружием, одеждой, камнями, а уходят от них всегда с невольниками»⁴. Основная масса людей, оказавшихся в руках работорговцев, отправлялась в Стамбул и навсегда покидала Восточную Европу. При этом многочисленность русских полоняников на торговых кораблях и невольничьих рынках настолько бросалась в глаза, что они обыкновенно спрашивали у вновь прибывших земляков: «Да уж остались ли на Руси ещё какие-нибудь люди?»⁵

Иными словами, Крым представлял собой серьёзнейшую угрозу для начавшегося с середины XVI века процесса освоения русскими степей Восточной Европы. Люди, поселившиеся на этих землях, оказывались особенно уязвимыми для набегов крымских работорговцев.

Количество пленных, уведённых крымцами из России в XVI веке, не поддаётся подсчёту из-за недостатка источников, однако в первой половине XVII века оно составило минимум 200 тысяч человек⁶. В этот период набеги были особенно частыми и разори-

Продажа невольника.
Фрагмент картины С. В. Иванова.

тельными, так как система обороны южной границы была резко ослаблена Смутой⁷. Лишь с 1613 года началось её медленное восстановление, которое к 1635-му переросло в крупномасштабное строительство новой, Белгородской засечной черты, завершённое в 1650-е годы⁸. Уже во второй половине 1640-х «попытки татар совершить новые прорывы внутрь страны разбиваются об окрепшую оборону и терпят неудачу»⁹. С тех пор «внимание крымской знати всё более стало обращаться в сторону Речи Посполитой, где подобная система обороны южных границ отсутствовала»¹⁰. Прорваться во внутренние уезды России крымцам иногда удавалось и в XVIII веке, но эти набеги уже не были сколько-нибудь значительными.

Поскольку их главной задачей всегда был захват пленных, на города крымцы нападали крайне редко; их главной целью были сёла и не защищённые укрепления городские предместья. Манеру действий татар при набегах лучше всего описал работавший в середине XVII столетия в Польше французский инженер, архитектор, математик и топограф Гийом де Боплан: «Главный корпус... движется вместе с флангами медленно, но безостановочно днём и ночью, давая войску не более часа для кормёжки, не причиняя никакого вреда стране, пока не проникнут на 60–80 лье вглубь неё. ...Разбегаясь в разные стороны по сёлам, они окружают их и устанавливают вокруг по четыре сторожевых поста, поддерживающих большие костры на протяжении всей ночи, боясь, как бы кто-нибудь из крестьян не ушёл от них;

потом грабят, жгут, убивают всех, кто оказывает сопротивление, берут и увозят тех, кто сдаётся, и не только мужчин и женщин с грудными детьми, но также скот»¹¹.

После набега татары удалялись от границ ограбленного государства на безопасное расстояние и на привале делили «полон» между собой¹²; «тут же происходила запродажа некоторой части полону друг другу и разные сделки на счёт его, после чего одни пленники направлялись в Константинополь, другие в Анатолию, иные в Крым, куда возвращалось и всё войско»¹³. Рынки сбыта невольников находились главным образом в городах; наиболее важные — в Кафе, Карасу, Гёзлеве и Бахчисарае. По выражению Михалона Литвина, Кафа по «своему ненасытному и преступному местоположению... не город, а поглотитель крови нашей»¹⁴ (правда, отмечал Боплан, в этом городе «татар немного, живут в нём преимущественно христиане, держащие в услужении невольников»¹⁵).

Пленный должен был иметь «товарный вид», и торговцы даже шли иногда на дополнительные расходы: «...Более красивых мальчиков и девушек, которые попадают в толпу пленников, не сразу выводят [на продажу], но [сначала] хорошенько откармливают, одевают в шёлк, белят и румянят, чтобы продать подороже»¹⁶. «Там, — писал в 1634 году монах-доминиканец Дортелли д'Асколи, — невольников выставляют напоказ, как невинных овец, предоставляя их на выбор любого покупателя, который ни-

чуть не стесняясь рассматривает и ощупывает их, дабы узнать, нет ли у них какого-нибудь скрытого порока, существенного изъяна»¹⁷.

Кроме внешнего вида невольников, обращали внимание и на то, откуда он. «... Когда происходит торг, — писал Михалон Литвин, — этих несчастных ведут на многолюдную рыночную площадь, группами, построеными наподобие отлетающих журавлей и по десять вместе связанных за шеи, и продают их десятками сразу с аукциона, причём торговец, чтобы повысить цену, громогласно возвещает, [что это] новые невольники, простые, бесхитростные, только что пойманные, из королевского народа»¹⁸, не московского (Moscovitico). Ибо род москвитян (Moschogum), как хитрый и лживый, весьма дешёво ценится там на невольничьем рынке»¹⁹.

Здесь же, в городах Южного берега Крыма, пленный получал последний шанс вернуться на родину.

Россия давно научилась «бороться за подданных». Как правило, при заключении мирных договоров оговаривалось право попавших в плен людей вернуться домой, однако в случае с Крымским ханством так не получалось — пленным приходилось выкупать. До середины XVI века родичи попавших в плен сами отправлялись в Крым, искали там своих близких и договаривались о выкупе с их владельцами²⁰. Решением же Стоглавого собора 1551 года был установлен специальный государственный налог — «полоняничные деньги»: «А сколко годом того пленного окупу из царевой казны разойдётся, и то роскинути на сохи по всей земли, чей кто не буди, всем ровню, занеже таковое искупле-

ние общая милостыня нарицается, и благочестивому царю и всем православным великая мзда от Бога будет»²¹.

После 1551-го государство взяло выкуп пленных под свой контроль и сделало его одной из приоритетных задач. Соборное Уложение 1649 года подтвердило это («полоняником на окуп збирати денги ежегод з городов всего Московского государства... занеже таковое искупление общая милостыня нарицается») и законодательно закрепило величину выкупа в зависимости от социального происхождения пленника: за дворянина и сына боярского — 20 рублей с каждой 100 четвертей земли его поместного оклада, за московского стрельца — 40 рублей, за стрельца и служилого казака «украинных городов» — 25 рублей, за посадского человека — 20 рублей, за пашенного крестьянина и за холопа — 15 рублей²².

Первым делом подлежащих выкупу надо было найти. Эта задача возлагалась на Посольский приказ; он направлял в Крым посланников, которым, помимо прочего, предписывалось отыскать русских пленников и подготовить их выкуп. Возможно, именно необходимость выкупать пленных объясняет, почему в Крым посольства отправлялись так часто... В поисках соотечественников посланники посещали не только невольничьи рынки, но и конкретных рабовладельцев, договариваясь с ними о цене выкупа. Как правило, у посланников была с собой «роспись» тех, кого следовало разыскивать целенаправленно — прежде всего служилых людей, попавших в плен на государственной службе. Про тех, «которые сверх той росписи в Крыме есть», тоже следовало «проведывать всякими мерами накрепко. Да которые полоненики у них объявятца или про которых сведают, и о тех полонениках велено договариватися с теми людьми, у которых они живут, о окупу всякими мерами»²³.

Условия выкупа фиксировались в «полоняничной росписи», где указывалось имя пленного и его договорная цена. Это было своего рода обязательство государства перед рабовладельцем выкупить пленника — который отныне уже не подлежал продаже в Стамбул. В Москве роспись подавалась в Посольский приказ, который выделял деньги на «окуп». Правда, не всегда сразу. После рассмотрения в приказе роспись могла быть отправлена обратно в Крым к другим посланникам, чтобы те продолжали разыскивать пленных и договариваться о цене²⁴.

Возить с собой крупные суммы денег на выкуп пленных посланникам было нельзя — крымские правители не раз просто грабили русские посольства, не стесняясь правилами дипломатического этикета²⁵. Если с рабовладельцем удавалось договориться о цене, то

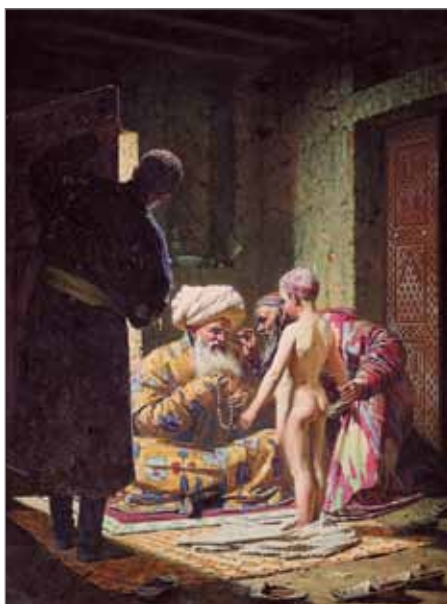
Фабио Фабби. Выбор невольницы.

посланники обязывались перед посредником заплатить выкуп на «валуйской размене» — крупном мероприятии, ежегодно проводившемся в пограничном городе Валуйки. Именно сюда торговцы «живым товаром» должны были привести всех выкупаемых полоняников. «Роспись» этих последних посылалась в Москву, где выделялись деньги на выкуп указанных в ней пленников. Затем в Валуйки отправлялось высокопоставленное лицо (как правило, окольный с помощником-дьяком), которое и осуществляло выкуп пленников согласно росписи (эта служба — «окольный на размене» — считалась достаточно почётной). С татарской стороны в Валуйки в качестве наблюдателя посылался «разменный князь». Выкупленные невольники отправлялись с окольным в столицу — где решалась их дальнейшая судьба.

Часто, однако, договориться о цене выкупа не получалось. Посланники были связаны «указной» ценой, то есть той, что была прописана в законодательстве или в царском наказе посланнику, а рабовладельцы и посредники стремились получить больше. Угроза продажи пленников в Стамбул заставляла идти на уступки, и в не подлежащих оглашению статьях наказов правительство, трезво оценивая ситуацию, позволяло превышать «указную» цену. Например, согласно наказу от 19 декабря 1637 года, если крымцы за дворянина или сына боярского «учнут просить болши», чем по 10 рублей с каждых 100 четвертей оклада земли, то эту ставку можно увеличить в полтора, а в крайнем случае — «будет и на то не уговорятца» — в два раза²⁶.

Если же крымцы запрашивали более чем вдвое против «указной» цены, посланникам оставалось просить пленников тоже принять участие в выкупе себя из плена: «и им велено полонеником сказати, чтоб они к тому государеву жалованью на окуп прибавливали от себя сколько кому мочно и писали бы от себя ко племяни (родственникам. — В. Ж.), чтоб к ним на окуп присылали»²⁷.

Безусловно, далеко не все посредники готовы были ждать, когда родственники пленников пришлют деньги. Да и не каждый пленный считал это целесообразным. Ведь существовал и ещё один, если не более

В. В. Верещагин.
Продажа ребёнка-невольника. 1872 г.

простой, то, по крайней мере, более быстрый путь обрести свободу. Пленник мог оформить на себя кабалу — обязательство, предусматривавшее выплату выкупа самим невольником уже в Москве, крымским гонцам, которые привозили эти кабалы. Так, 12 мая 1638 года посланники Семён Извольский и подьячий Савва Зверев привезли из Крыма в Москву пленников, «а иные ис тех полоненики крымским татаром давали на себя кабалы. А окупы за себя сулили болши: рублёв по девяносту, и по сту, и по сту по дватцати, и по сту по пятидесяти, и по сту по штидесят, и по двесте рублёв. А платить им те денги новым крымским гонцом Тохтамышу аталыку с товарищи по кабалам и по поручным своим записям на Москве»²⁸.

Понятно, что доведённые до отчаяния люди готовы были сулить любые деньги. Однако по возвращении на родину часто выяснялось, что выплатить их они не в силах и просят о помощи правительство: «И те полоненики... ис Крыму к Москве приехав били челом г. ц. и в. к. Михаилу Фёдоровичу всеа Руси, чтоб государь пожаловал их за полонское терпенье, велел за них крымским гонцом окупы за-платить, как государю об них Бог известит»²⁹.

Однако оплата долгов пленников по кабалам из казны могла быть произведена лишь в размере, предусмотренном в наказе царя посланникам. Деньги сверх этой суммы должны были внести сами пленные.

Тут возникала очень сложная для московского правительства ситуация. Возвращение неплатёжеспособного должника в плен явно противоречило принятым в русском обществе нормам; подобные случаи нам не известны. Односторонний отказ платить, безусловно, привёл бы к тому, что в будущем у другого пленного кабалу могли не взять и само существование системы выкупа оказалось бы под угрозой. Но, с другой стороны, у правительства просто не было возможности систематически оплачивать кабалы на большие суммы — иначе все остальные пленники стали бы «сулить» за себя по 200 рублей... В конце концов правительство, как правило, всё-таки покрывало долги своих подданных, но каждый раз подчёркивало исключительность такого решения и требовало от вызволенных вернуть потраченную на них сумму (что, естественно, удавалось плохо).

Таким образом, московскому правительству удалось создать отлаженный механизм выкупа своих подданных. Не имея до поры до времени возможности прекратить набеги, оно на государственном уровне принимало меры к тому, чтобы хотя бы сократить потери и облегчить участь хотя бы части своих пленников. «Искушение пленных» требовало большого напряжения всего общества и было отдельной, весьма значительной сферой русской дипломатии. Ничего подобного такой государственной системе выкупа в других государствах, страдавших от набегов за рабами (Польша, Италия, Испания, некоторые страны Леванта), мы не находим. Это — характерная черта особого типа общественного устройства, сложившегося в Московском государстве. Закрепление в законодательстве полоняничного налога как общегосударственной «милостыни» и сформировавшаяся со временем система выкупа пленников отражают взгляд на это явление как на общее дело государства и всего народа.

Примечания

1. Яковсон А. Л. Средневековый Крым: Очерки истории и истории материальной культуры. М.: Л. 1964. С. 137–138.
2. Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.: Л. 1948. С. 417–418; Яковсон А. Л. Указ. соч. С. 134.
3. Впрочем, следует отметить, что Крым уже в XIII в. был крупнейшим центром работорговли, снабжавшем невольниками всё Средиземноморье. См.: Карпов С. П. Работорговля в Южном Причерноморье в первой половине XV в. (преимущественно по данным массарий Каффы) // Византийский временник. Т. 46. М. 1986. С. 139.
4. Михалон Литвин. О нравах татар, литовцев и москвитян. М. 1994. С. 52.
5. Цит. по: Крижанич Ю. О промысле. М. 1860. С. 9–10.

6. Новосельский А. А. Указ. соч. С. 436.
7. Зенченко М. Ю. Южное российское побережье в конце XVI — начале XVII в. М. 2008. С. 14.
8. Загоровский В. П. Белгородская черта. Ростов н/Д. 1968. С. 76.
9. Новосельский А. А. Указ. соч. С. 363.
10. Флоря Б. Н. Османская империя, Крым и страны Восточной Европы во второй половине 30–40-х гг. XVII в. // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Ч. I. М. 1998. С. 165.
11. Болпан Г. Л. де. Описание Украины. М. 2004. С. 233.
12. Там же. С. 235–236.
13. Бережков М. Н. Русские пленники и невольники в Крыму. Одесса. 1888. С. 14.
14. Михалон Литвин. Указ. соч. С. 53.
15. Болпан Г. Л. де. Указ. соч. С. 209.
16. Михалон Литвин. Указ. соч. С. 54.

17. Описание Черного моря и Татарии, составил доминиканец Эмиддио Дортелли д'Асколи, префект Каффы, Татарии и проч. 1634 г. // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. XXIV. Одесса. 1902. С. 124.
18. Под «королевским народом» подразумеваются подданные Польши и ВКЛ.
19. Михалон Литвин. Указ. соч. С. 52–53.
20. Шмидт С. О. Русские полоняники в Крыму и система их выкупа в середине XVI в. // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. М. 1961. С. 32.
21. Стоглав // Российское законодательство X–XX веков. Т. 2. М. 1984. С. 350;
Тарасов А. Е. «Всех пленных окупати...» История законодательного закрепления выкупа пленников в России // Русь, Россия: Средневековье, Новое время. Чтения памяти академика Л. В. Милова. Москва, 19–20 сентября 2009 г. Материалы к конференции. М. 2009. С. 43–45.

22. Тихомиров М. Н., Епифанов П. П. Соборное Уложение 1649 года. М. 1961. С. 89–90.
23. РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 22. Л. 94 об.–95.
24. Там же. Л. 94–95.
25. Жуков В. Д. К вопросу о судьбе посольства Ивана Фустова и Ивана Ломакина в Крым в 1639 г.: «заёмные кабалы» рядовых членов посольства и их оплата Московским государством // Русь, Россия: Средневековье, Новое время. Чтения памяти академика Л. В. Милова. Москва, 21–23 ноября 2013 г. Материалы к конференции. М. 2013.
26. РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Кн. 22. Л. 76 об. 27. Там же.
28. Там же. Л. 78–78 об.
29. Там же. Л. 78 об.